

Зоя Владимировна Макарова

Моя семья до войны жила в деревянном доме по улице Большая Монетная, дом 26, сейчас на этом месте стоит дом сталинской постройки.

Семья была большая, занимала четырёхкомнатную квартиру на втором этаже. С началом войны отец и его брат ушли на фронт, сестра отца уехала в Новосибирск, остались бабушка, дедушка, мама и я (к этому времени мне исполнилось 3 года).

В первую блокадную зиму умер дедушка, а в марте 1942 года в наш дом попал снаряд, и он загорелся. Мама что смогла – выбросила в окно, в том числе и меня, внизу стояли люди с натянутым брезентом.

Дом сильно обгорел, его разобрали на дрова, и он пошел на обогрев госпиталя, который находился в больнице Эрисмана (сейчас I медицинский институт).

Нам дали квартиру на первом этаже во дворе дома по Каменноостровскому проспекту, мама боялась первого этажа, поэтому сразу поменялась с пожилым инвалидом, который жил на четвертом этаже. Из домашних вещей ничего не осталось, я с мамой жила в основном в детском доме (до войны – детский сад), где мама работала воспитательницей, изредка навещая бабушку, которая скончалась в декабре 1942 года. Дома воды не было, холодно, окна забиты фанерой. Как сейчас помню: идем домой, а около дома мертвый человек. Я спрашиваю маму: «Что он сидит, ведь замерзнет!» А она говорит: «Отдохнет немного и пойдет дальше».

Детский дом находился во дворе нашего бывшего дома – угол улицы Льва Толстого и Большой Монетной. Этот двухэтажный домик стоит и по сию пору, сейчас в нем какие-то офисы.

У меня остались обрывочные воспоминания о пребывании в детском доме. Помню, что перед обедом у каждого ребенка в тарелке лежала ложка с рыбьим жиром или томатным соком, каша была всегда подгорелая. На Новый год была елка с Дедом Морозом и подарками.

Когда был обстрел, нас отводили в бомбоубежище, и мы сидели там как мышки, тихие и испуганные; показали как-то около входа в бомбоубежище авиабомбу, которая, упав, не разорвалась.

Однажды вечером мама взяла меня посмотреть на пожар после артобстрела, который случился рядом на ткацкой фабрике.

У меня и сейчас стоит перед глазами это огромное здание, объятые пламенем, стены обрушены, с этажей падают горящие станки. После войны здание восстановили, в нем разместилось закрытое предприятие, на котором я отработала 12 лет (улица Чапаева, дом 17).

В день снятия блокады мама взяла меня на салют. Мы вышли на Каменноостровский проспект, со стороны Марсова поля небо полыхало праздничным салютом, люди поздравляли друг друга, обнимались. Мама купила мне шоколад «Линкор», обертку от которого я долго хранила.

День Победы хорошо помню: было всеобщее ликование, мама плакала и радовалась, что отец жив и скоро вернется домой.

В заключение хочу отметить, я выжила благодаря тому, что мама работала в детском доме, и я была при ней.